

ХАНА

Остров Чеджу, лето 1943

Хане шестнадцать, и ей неведома иная жизнь, кроме как под оккупацией. Япония аннексировала Корею в тысяча девятьсот десятом, и Хана бегло говорит по-японски, разбирается в японской истории и культуре, а на корейском ей запрещено и говорить, и читать, и писать. В родной стране она человек второго сорта, бесправная, но ее корейская гордость от того меньше не стала. Хана с матерью — хэнё, женщины моря, и работают они на себя. Они живут в деревушке на южном берегу острова Чеджу и ныряют в бухте, которой не видно с ведущей в город большой дороги. Отец Ханы — рыбак. С другими мужчинами он выходит в Южное море, сторонясь японских рыболовецких судов, которые грабят прибрежные воды Кореи и вывозят улов в Японию. С японскими солдатами Хана и мать имеют дело только на рынке, где продают дневную добычу. Встречи эти редки, и потому у них есть чувство свободы, которым мало кто похвастается и на другом краю острова, и даже в материковой Корее. Тема оккупации под запретом, особенно на рынке, заговорить об этом рискуют лишь смельчаки, да и то шепотом, на ухо.

В деревне устали от непомерных налогов, принудительных “пожертвований” на войну, от мобилизации — мужчин гонят на фронт, а подростков — на японские заводы.

Подводный промысел на острове — занятие женское. Женские тела лучше мужских подходят для океанских глубин. Женщины дольше задерживают дыхание, ныряют глубже и лучше сохраняют температуру, а потому на Чеджу они всегда были независимыми. Хана отправилась с матерью в море совсем еще младенцем. Учиться плавать она начала, как только стала держать головку, но на глубину мать ее взяла, только когда исполнилось одиннадцать, и показала, как срезать придонные морские ушки. Возбужденная Хана не рассчитала запас воздуха, тот кончился раньше, чем она думала, и ей пришлось спешить на поверхность. Легкие горели. Вынырнув, она глотнула больше воды, чем кислорода. Отплеываясь и еле удерживая лицо над водой, она запаниковала. Накатила волна, накрыла ее целиком. Голова ушла под воду, и Хана нахлебалась еще.

Мать подхватила Хану, чтобы лицо дочери оставалось над поверхностью воды. Хана судорожно вдыхала между приступами жестокого кашля. Нос и горло саднило. Материнская рука надежно держала ее, пока Хана не пришла в себя.

— Всегда смотри на берег, когда всплываешь, а то заблудишься, — сказала мать и развернула Хану лицом к суше. Там на песке сидела младшая сестра, сторожившая ведра с уловом. — Как вынырнешь — ищи сестру. Не забывай об этом. Если видишь ее, то тебе ничто не грозит.

Дыхание Ханы восстановилось, мать отпустила ее и нырнула на глубину, медленно кувыркнувшись вперед. Хана еще немного посмотрела на сестру, словно стараясь запомнить. Та безмятежно сидела на берегу и ждала, когда родные вернутся из моря. Оправившись полностью, Хана подплыла к бую и добавила морское ушко к материнскому улову, который колыхался в прочной сети. Затем тоже устремилась в гудящие глубины за очередной добычей.

Сестра была слишком мала и пока не ходила в море. Выныривая, Хана первым делом смотрела на берег и видела, как малышка гоняется за чайками и неистово машет палками. Бабочка, танцующая у кромки воды.

Хане исполнилось семь, когда родилась долгожданная сестренка, а ведь она боялась, что на всю жизнь так и останется единственным ребенком. Хана давно мечтала о младшей сестре — у всех подруг было по двое, трое, а то и четверо сестер и братьев, они вместе играли и вместе хлопотали по хозяйству, а ей приходилось мучиться в одиночку. Но потом ее мать понесла, и Хана сияла от радости при виде ее растущего живота.

— Мама! Никак ты еще потолстела? — спросила она в утро родов.

— Очень толстая и очень неуклюжая! — улыбнулась мать и принялась щекотать плоский и крепкий живот Ханы.

Хана восторженно завизжала и повалилась на спину. Отдышавшись, села рядом и положила руку на самую выпуклость живота.

— А что, сестренка или братик почти готовы?

— Почти готовы? Дурочка, можно подумать, что я варю в брюхе рис!

— Не рис, а сестренку... или братика, — возразила Хана и ощутила ладонью робкий толчок. — Когда она вылезет? Или он?

— Какая у меня нетерпеливая дочка. — Мать покачала головой. — А кого тебе хочется — сестру или брата?

Хана знала, что правильный ответ — “брат”, что отцу нужен сын, которого он обучит рыбацкому делу, но про себя ответила иначе. “Надеюсь, что будет дочка, и мы с ней когда-нибудь вместе отправимся в море”.

Вечером у матери начались схватки, и Хана не сумела скрыть радости, когда ей показали новорожденную. Улыбаясь до ушей, она попробовала изобразить разочарование.

— Жалко, что не сын, честное слово, жалко! — сказала Хана и покачала головой в притворной скорби. Но тут же потянула за рукав отца. Он нагнулся, и Хана, приложив к его уху руки лодочкой, зашептала: — Папа, я хочу признаться. Мне тебя очень жалко, теперь тебе некого учить ловить рыбу, но... — Она сделала глубокий вдох. — Но я рада, что буду плавать с сестрой.

— Точно? — спросил он.

— Да, только маме не говори.

В семь лет Хана еще не овладела искусством неслышного шепотка, и гости — близкие друзья семьи — прыснули. Хана умолкла. У нее запыхлала уши. Она спряталась за отца и глянула из-под его руки на мать — вдруг и та услышала. Мать пристально

посмотрела на старшую дочь, потом опустила глаза на малышку, жадно сосавшую грудь, и сказала столь же громким шепотом:

— Ты самая любимая сестренка на всем Чеджу. Знаешь об этом? Никто не полюбит тебя сильнее, чем старшая сестра.

Затем снова посмотрела на Хану, поманила к себе. Взрослые затихли, когда Хана опустилась подле нее на колени.

— Теперь ты ее заступница, Хана, — серьезно сказала мать.

Хана глядела на крошку. Погладила черный пушок на голове:

— Как мягко.

— Ты слышала, что я сказала? Теперь ты старшая сестра и должна оберегать младшую. Я не всегда буду рядом, море и рынок нас кормят, и ты станешь приглядывать за сестрой, когда я буду занята. Можно на тебя положиться? — строго спросила мать.

Хана отдернула руку. Склонила голову и тихо ответила:

— Да, мама, я не дам ее в обиду. Обещаю.

— Это клятва навеки, Хана. Не забывай об этом.

— Я буду помнить, мама, всегда, — сказала Хана, не сводя глаз с безмятежного младенческого лица. Из приоткрытого рта вытекла капля молока, и мать стерла ее пальцем.

Прошли годы. Хана уже промышляла с матерью на глубине и привыкла видеть вдали сестру — девочку, с которой спала под одним одеялом, которой нашептывала в темноте всякие глупости, пока ту не сморит сон. Девочку, которая так заразительно

хохотала над всем подряд, что ей вторили все вокруг. Девочку, что стала для Ханы якорем на берегу и опорой в жизни.

Хана понимала, что защищать сестру означает держать ее подальше от японских солдат. Мать буквально вбивала ей в голову: “Никогда не показывайся им на глаза! А главное — не оставайся с ними наедине!” Зловещие материнские внушения были пропитаны страхом, и шестнадцатилетняя Хана радовалась, что ничего подобного не случилось. Но в один жаркий летний день все изменилось.

Уже давно перевалило за полдень и другие ныряльщицы ушли на рынок, когда Хана впервые увидела капрала Моримото. Мать решила наполнить еще одну сеть — для заболевшей подруги, которая не смогла выйти в море. Та всегда первой вызывалась помочь. Хана вынырнула и посмотрела на берег. Сестра сидела на корточках и, приставив ладонь ко лбу козырьком, выискивала в море Хану и мать. В девять лет сестренку уже можно было оставить на берегу одну, но ходить с Ханой и матерью на глубину ей еще рано. Не по возрасту маленькая, да и плавала пока неважно.

Хана только что нашла большую раковину. Ей хотелось на радостях окликнуть сестру, как вдруг она заметила идущего к берегу мужчину. Взбив ногами воду, Хана выпрыгнула над волнами и увидела, что это японский солдат. У нее свело живот. Зачем он здесь? Солдаты никогда не заходят так далеко от де-

ревень. Она обвела взглядом берег — нет ли других, но солдат был один и направлялся прямо к сестре.

Сестру скрывал от него каменистый береговой риф, но если он не изменит курс, то наткнется на нее и тогда заберет — отправит морем на японский завод, как других деревенских девочек. Ее сестра не настолько крепка, чтобы вынести тяжелую работу на конвейере и грубое обращение. Она слишком мала и совсем домашняя, она не выдержит чужбины.

Осмотрев горизонт в поисках матери, Хана поняла, что та внизу, не подозревает о японском солдате, который направляется к воде. Ждать было нельзя: даже если мать вот-вот вынырнет, она слишком далеко — ловит у рифа, за которым открывается бездна. Караулить сестру — забота Ханы. Она дала матери слово и сдержит его.

Хана нырнула в волны и быстро погребла к берегу. Она надеялась, что доберется до сестры прежде солдата. Если его удастся отвлечь, сестра успеет убежать и спрятаться в соседней бухте, а Хана снова бросится в океан. Не полезет же он за ней в воду?

Течение тянуло ее обратно, словно пытаясь убежать. В панике Хана вынырнула и глубоко вдохнула, успев отметить, докуда дошел солдат. Он по-прежнему держал курс на скалистый риф.

Хана поплыла поверху, сознавая, что вся на виду, но задерживаться под водой было нельзя, можно не уследить за солдатом. Она находилась на полпути к суше, когда солдат остановился и принялся рыться в кармане — что-то искал. Хана нырнула и поплыла что есть мочи. Вынырнув для следующего вдоха,